

Сморчок, выпрямившись во весь рост, стоял на носу баркаса, одна нога покоилась на бочке, словно на пьедестале. Его грудь выпячивалась с гордостью, отражая величественную поступь корабля, рассекающего волны. Он, герой своего поколения, стоял на первом баркасе их флота, как вождь, ведущий свое племя на великое дело. В его душе звучал смех над трусливыми кланами, не пожелавшими присоединиться к их походу. Никто из них, ни один баркас на всем архипелаге викингов, не посмел поддержать брачный союз с варварскими островами, кроме их, гордого племени хулиганов. Они шли навстречу легенде, и всем оставалось лишь подготовить триумфальную эдду о их подвиге. Взгляд Сморчка скользнул к корме. Астрид, держась за мачту, глубоко вдыхала соленый морской воздух. Ее спину украшал ценный топор, так долго не виданный в деле, а голову прикрывала ткань, чтобы защитить от брызг. Единственная тень, омрачившая сияние настроения Сморчка, - она еще не принадлежала ему. Он никогда не прекращал ее преследовать, ибо зачем? Она была помолвлена с трусом, сбежавшим от битвы с Кошмаром, от ответственности быть вождем, от защиты женщины, которой должен был принадлежать. Голос в голове Сморчка шептал, что Астрид не нуждается в защите, но он отмахивался от него. Мужчина должен защищать свою собственность - это его право и привилегия. Раз Иккинг не справлялся со своей задачей, никто не виноват, кроме него самого, если кто-то другой завоевал ее сердце. Другой голос, прозвучавший в душе Сморчка, шептал, что Иккинг, скорее всего, сам нуждается в защите. Сморчок усмехнулся, согласившись с ним, ведь это была правда. Иккинга Бесплезного не зря так называли. Он был "Многообещающим" недолго, и чем дольше длилось его "путешествие", тем лучше. Сморчок видел ее игру, он был уверен в этом. Занять место Бесплезного. Добиться расположения вождя. Закрепиться в его семье, а затем, дождавшись объявления предателя-беглеца мертвым, претендовать на главенство. Это имело удобный побочный эффект: она станет доступной для брака, и он будет рядом. Ведь кого она выберет? Тафнут? Рыбьенога, женатого парня? Большая волна с шумом плеснула в правый борт, вернув его в настоящее. Он снова оглянулся и заметил, что Астрид повернулась к Стоику и Гобберу, ведя с ними горячий, хотя и тихий, спор. Сморчок вздрогнул от любопытства и досады. Он был обещанным Берком представителем нового поколения (кроме Астрид, но она была женщиной), и поэтому имел право участвовать в любом важном разговоре. Тот факт, что Стоик был там, и что и он, и Астрид покраснели, сказал ему достаточно. Поскольку его отец управлял сестринским баркасом двух кораблей, возглавлявших флот, Сморчок не испытывал никаких затруднений в том, чтобы как можно беспечнее пройти в пределах слышимости, делая вид, что занимается какими-то делами. Если он и не врывался в разговор, мысленно сказал он себе, что имеет на это право, то только потому, что они, похоже, были уже горячо увлечены им, и прерывание могло бы окончательно испортить им настроение.— ...что-то, чего мы не знаем, Стоик. Я чувствую это; ты видел, как они смотрели друг на друга и говорили шепотом.— И я сказал тебе, что это потому, что все они были уверены, что мы сумасшедшие, раз решились на это путешествие. Хель, я тоже уверен, что мы сумасшедшие, но сейчас у нас нет альтернатив. Эта идея была твоей, Астрид, почему ты колеблешься сейчас?— Дело не в этом, Стоик. Что-то... что-то из того, как они говорили и смотрели друг на друга. Это не сулило нам ничего хорошего. Ее грозное выражение лица сменилось яростным красным цветом и стало более грозным, скрытым в энергии. Гоббер положил руку ей на плечо.— Все в порядке, девушка. Мы знаем, что это не будет прогулкой по пляжу. Мы готовы ко всему, что выкинет на нас Остров. А если нет... эх! Он пожал своим массивным плечом.— Мы викинг, это профессиональная опасность. Астрид не выглядела убежденной, но прежде чем она успела сказать что-то еще, Свен крикнул с кормы.— Ворота, обнаружены! На этот призыв эхом отозвались остальные 45 баркасов флота. Они присоединились к остальным после свадьбы на "Замерзании до смерти", направляясь сюда так быстро, как только позволяли ветра, что заняло достаточно много времени. И вот, наконец, они были на месте.— Поднимайте ужасы! — крикнул Стоик, его каркас стал жестким. Остальные члены команды баркаса почувствовали перемену в нем, и напряжение, как пролитое молоко яка, растеклось по всем плечам на борту, а затем и по всей линии кораблей. Жалкие существа

были подняты, рыча сквозь намордники. Их ноги были связаны, но крылья - нет, и как только веревочный жгут вокруг их туловища был прикреплен к мачте, они начали бешено хлопать крыльями; все в сторону ворот Хельхейма. Далее следовало напряженное, ужасное путешествие сквозь туман. Выстроившись в прямую линию, лодки стали пробираться по коварным, узким каналам. Ни одна лодка викингов никогда не заходила так далеко, и даже позже Смorchок не запомнил почти ничего из этой высокоадреналиновой и молчаливой части путешествия, кроме отдельных фрагментов. Астрид, разматывающая ткань вокруг своего топора; Стоик, управляющий кораблем и дающий указания, которым следовала вся флотилия в тихом благоговении, которое, казалось, охватило всех; терры, все более и более бешено хлопающие, когда они поворачивались то в одну, то в другую сторону на своих привязях, всегда в унисон. Внезапно все они с трудом удержались на ногах, когда лодка причалила к черному скалистому берегу. Крон, который становился все громче и громче, от которого у всех сводило зубы и голоса становились чуть выше шепота, теперь стал просто оглушительным. Багровый хвост исчез в скале, и Смorchок почти почувствовал, как он пробежал по его животу и спине; это случилось. Они были... — Мы здесь, — шипел Стоик, спрыгивая с лодки. Пение мгновенно прекратилось. Терры моргнули, огляделись и начали издавать визжащие звуки, подлетая к мачте и пытаясь взобраться на нее, насколько позволяла их упряжь, вонзая острые когти в дерево. Когда Смorchок с волнением бросился к краю лодки, чтобы присоединиться к приготовлениям, он заметил, что Астрид смотрит на драконов сузившимися глазами. — Ты идёшь? — бросил он, одаривая её самой широкой улыбкой и выпячивая грудь, будто желая продемонстрировать ей свой геройский профиль. Её глаза, суженные ещё сильнее, не отрывались от ужасов, что, цепляясь за мачту, пытались подняться, словно карабкались по отвесной скале. В их глазах, казалось, читалось отчаяние, осознание собственной бесполезности. Зачем им было жить? И в этот самый миг Астрид взмахнула топором, но вместо того, чтобы отсечь головы чудовищ, она перерубила канаты, глубоко вонзив лезвие в мачту. Три крошечных дракончика, отчаянно хлопая крыльями, повисшие на обрывке верёвки, как на пуповине, полетели обратно в туман. — Промахнулась, — произнёс он, пытаясь звучать великодушно. — Не переживай, детка, с каждым такое случается, даже со мной, поверь. Тебе стоило взять другой топор, этот уж больно стар. Астрид стиснула губы, не обращая на него внимания, и следила за улетающими драконами. На последней фразе она перевела на него свой острый, суженный взгляд. — Заткнись и занимайся делом, — отрезала она. Одним плавным движением она оказалась на разбросанных обломках и побежала к строителям валов. Смorchок фыркнул. — Я ещё догоню тебя, и тогда мы посмотрим, как ты любишь сопли, — проворчал он себе под нос, спрыгивая, чтобы присоединиться к отцу.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3050662>